

Фадеев Ростислав Андреевич

Черноморский военный театр

**По поводу Крымской железной
дороги**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р78

Р78 **Ростислав Андреевич Ф.**
Черноморский военный театр: По поводу Крымской железной дороги / Фадеев Ростислав
Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 70 с.

ISBN 978-5-519-78638-6

ISBN 978-5-519-78638-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ №№ 65, 66 и 67, 1868 года «Русскаго Инвалида» напечатана статья: «Развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ». Авторъ защищаетъ стратегическія дороги, вошедшія уже въ росписаніе, и потому, надо думать, воспроизводитъ офіціальныя доводы. Онъ отстаетъ слѣдующимъ образомъ дорогу, составляющую предметъ этой статьи.

«Связь съ Крымомъ должна быть вполне надежна, должна быть обезпечена отъ возможно большаго числа случайностей. Между тѣмъ, ведя линію отъ Кременчуга черезъ Бериславъ и Перекопъ, мы не имѣли бы ни одной части дороги, вполне огражденной отъ рисковъ... При нѣкоторыхъ, положимъ, исключительныхъ условіяхъ, мы можемъ быть вынуждены, хотя временно, отойти отъ Одессы и Николаева къ Днѣпру, тогда и остальная часть дороги, лежащей по западному его берегу, можетъ очутиться во власти противника... Совсѣмъ иныя условія чопгарской линіи. Чтобы атаковать судами самую чопгарскую переправу, нужно сперва прорваться въ Азовское море, и затѣмъ прорваться еще въ Сивашъ. Это, конечно, не абсолютно не возможно. Но есть основа-

*

ніе думать, что подъ Керчью непріятель встрѣтитъ второй Севастополь». И такъ далѣе. Ясно, что мѣры для обороны Крыма, высказываемыя «Русскимъ Инвалидомъ», имѣютъ въ виду союзную армію 1855 года. Ноговоря покуда объ основательности такого взгляда и о заключеніяхъ, къ которымъ онъ приводитъ, надобно прежде всего замѣтить слѣдующее:

Стратегическія военныя дороги стоятъ въ Россіи въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Вслѣдствіе огромности государства, всѣ наши дороги длинны, сооруженіе ихъ требуетъ большихъ капиталовъ, а потому ни одна самостоятельная дорога не можетъ служить собственно военнымъ цѣлямъ не только исключительно, но даже преимущественно. Единственное исключеніе— Царство Польское. Тамъ желѣзная дорога небольшого протяженія, связывающая крѣпости и командующая теченіемъ одной или двухъ рѣкъ, можетъ быть задумана съ чисто военною цѣлію, также точно, какъ въ западной Европѣ. Но на русской почвѣ, каждую стратегическую линію приходится растягивать на сотни верстъ и тратить на нее десятки милліоновъ. Если подобное предпріятіе не окупается, т. е. мало полезно въ другихъ отношеніяхъ, то осуществить его—значило бы буквально возвысить текущій военный бюджетъ десятками милліоновъ. Бюджетъ этотъ возросъ въ 9-ть лѣтъ съ 97 милліоновъ на 140; а если еще увеличивать его ежегодно приплатою гарантіи на бездоходныя, чисто стратегическія дороги, то онъ станетъ, наконецъ, изъ бюджета военнаго—цѣлымъ государственнымъ бюджетомъ и все остальное придется содержать посредствомъ *благоразумной экономіи*. Кроме того, изъ частныхъ жалобъ военнаго вѣдомства, (заявленныхъ въ его же собственныхъ изданіяхъ) на недостаточность средствъ по разнымъ предметамъ и до сихъ поръ неудовлетворенныя, нужды арміи,—видно ясно, что лишніе милліоны, если бы таковыя оказались,

нашли бы себѣ болѣе спѣшное употребленіе, даже по военной части, чѣмъ поддержаніе сомнительныхъ стратегическихъ линій. По всему этому у насъ можно принять за аксіому слѣдующее: если военная желѣзная дорога нужна дѣйствительно, (что слѣдуетъ строго доказать), то она все таки немислима, какъ самостоятельная линія значительнаго протяженія. Можно строить какую нибудь соединительную вѣтвь, придающую двумъ торговымъ путямъ стратегическое значеніе, котораго онѣ не имѣли бы безъ нея; можно, въ военныхъ видахъ, давать нѣкоторое уклоненіе вновь закладываемымъ желѣзнымъ путямъ, если уклоненіе не подрываетъ главной ихъ цѣли—но и только. Такъ и дѣлалось до сихъ поръ, Одна лишь петербурго-варшавская дорога построена съ цѣлію болѣе военно-политическою, чѣмъ торговою, вслѣдствіе особенной ея важности; за то же она долго не окупалась. При такихъ условіяхъ слѣдуетъ относиться очень строго къ проектамъ стратегическихъ дорогъ и оцѣнивать ихъ непремѣнно по двумъ условіямъ: чтобы потребность въ дорогѣ была, дѣйствительно, настоящая и чтобы дорога не требовала приплаты, была прежде всего дорогою торговою, а потомъ уже военною. Единственное исключеніе, какъ сказано—какая нибудь короткая соединительная вѣтвь съ чисто военною цѣлію. Но и въ такомъ случаѣ самое благоразумное—по одежкѣ протягивать ножки. Если за какимъ нибудь пунктомъ признано важное военное значеніе, то и тогда лучше соединить его съ ближайшею точкою желѣзной дороги, чѣмъ строить къ нему болѣе длинный, хотя, можетъ быть и болѣе удобный путь. Такимъ образомъ останутся средства и на другіе, одинаково важные пункты, а у насъ ихъ много. Лучше быть достаточно сильнымъ вездѣ, чѣмъ совсѣмъ сильнымъ въ одномъ мѣстѣ и совсѣмъ слабымъ во всѣхъ прочихъ. Конечно, со временемъ явятся желѣзныя дороги всюду, гдѣ онѣ нужны, но непріятель не ста-

неть дожидаться окончанія ихъ; надобно стараться сдѣлать возможно больше—къ неизвѣстному часу.

Все сказанное примѣняется буквально къ крымской дорогѣ, недавно утвержденной, но примѣняется едина ли не въ обратномъ смыслѣ. Дорога будетъ имѣть отъ Харькова до Севастополя 819 верстъ протяженія, и въ Чонгарѣ раздѣлится (какъ говоритъ «Инвадъ») на двѣ вѣтви—севастопольскую и керченскую. Въ выборѣ этого направленія выражается особенно ярко, по моему мнѣнію, отсутствіе условій, при которыхъ наши стратегическія дороги становятся возможными и необременительными, т. е. тѣ именно условія, при которыхъ дороги могутъ легко переходить изъ проектовъ въ дѣло. Крымъ удаленъ отъ центровъ государства, отрѣзанъ отъ нихъ широкою степною полосой; между тѣмъ, оборона полуострова требуетъ, чтобы онъ былъ связанъ съ этими центрами; для торговли также нуженъ путь къ нему. Разстояніе большое. При этихъ условіяхъ, очевидно, лучшее, что можно сдѣлать—связать полуостровъ съ ближайшими пунктомъ существующихъ желѣзныхъ дорогъ, имѣя въ виду преимущественно дешевизну и торговыя потребности, чтобы дорога не отозвалась приращеніемъ (въ сущности, хотя не по названію) военнаго бюджета. Въ готовой сѣти желѣзныхъ дорогъ есть пункты значительно болѣе близкіе къ Севастополю, конечному пункту дороги, чѣмъ станція Лозовая. Военная дорога въ Крымъ, каково бы ни было ея направленіе, одинаково удовлетворитъ главной цѣли—сообщенію. Конечно, въ военномъ смыслѣ выгоды не имѣть дорогу специально - соображенную съ своимъ назначеніемъ. Но было бы еще выгоды имѣть въ Балтійскомъ морѣ флотъ, неуступающій англійскому; мало ли что выгодно. Оборона государства, безъ сомнѣнія великая вещь; если необходима жертва для этой цѣли, то ее должно принести.

Но въ данномъ случаѣ вопросъ состоитъ именно въ необходимости жертвы. Я не знаю официальныхъ записокъ по этому предмету, но сущность ихъ видна достаточно даже изъ краткихъ доводовъ «Инвалида». Будетъ весьма поучительно разобрать эти доводы.

Надобно замѣтить мимоходомъ, что весь разборъ стратегическихъ дорогъ, помѣщенный въ этой газетѣ, какъ все что говорятъ и говорили за послѣдніе годы изданія военнаго вѣдомства, даже все, что дѣлалось въ эти годы—направлено исключительно къ одной цѣли—оборонительной. Въ послѣднія 8 лѣтъ мы не слышали ни одного слова о цѣляхъ наступательныхъ. Да неподумаютъ гражданскіе читатели, что мои слова выражаютъ желаніе ломиться къ сосѣдямъ и громить ихъ; въ военномъ дѣлѣ отношеніе между наступательными и оборонительными дѣйствіями имѣетъ совѣтъ другое значеніе. Безъ возможности наступленія оборона недѣйствительна, сторона принимающая мѣры для одной пассивной обороны неспремѣнно будетъ побита; самое пѣрное оборонительное средство — не допускать врага до своихъ границъ. Но, кромѣ того, условія обороны и наступленія измѣняются по государству и не могутъ быть предпочитаемы *ad libitum*. Для маленькой страны, всегда имѣющей поводъ, особенно въ наше время, опасаться за свое существованіе, первое, даже исключительное военное дѣло—оборона. Совѣтъ иное въ Россіи. Съ ея могуществомъ она всегда можетъ избѣжать войны, если отречется отъ своихъ заграничныхъ интересовъ. Никто не можетъ угрожать нашему существованію какъ Бельгіи, никто нестанетъ требовать нашихъ областей или какихъ бы то ни было уступокъ *внутреннихъ*, если мы будемъ смирно сидѣть дома. Война можетъ вспыхнуть для насъ только по поводу вопросовъ *запредѣльныхъ*, въ которыхъ русское правительство не захочетъ уступить, т. е. захочетъ принудить исполнить свою во-

лю. Такія цѣли, единственные, которыя могутъ возбудить войну, достигаются только наступленіемъ, а не обороною. Если бы Австрія, напримѣръ, заняла Боснію и Сербію, а Россія не захотѣла этого допустить, то было бы затѣйливо добиваться уступки со стороны Австрійцевъ, защищая противъ нихъ линію Днѣпра. При извѣстной твердости русскаго народнаго духа въ великія минуты, вторженіе въ Россію до такой степени затруднительно, что собственно для этой цѣли нужны весьма небольшія силы. Численность нашей арміи сообразовалась всегда не съ потребностію обороны, а съ видами политическими, безъ чего Россія замыкалась бы до сихъ поръ Днѣпромъ и новороссійскою степью съ татарскими кочевниками. Военное положеніе Россіи такъ ясно въ этомъ отношеніи, что наши прежнія уставы, совершеннѣйшіе въ свѣтѣ, устраивали армію преимущественно для наступленія; тогда офицеры, описывавшіе предѣлы стратегически, задаваясь по крайней мѣрѣ столько же условіями наступленія, какъ и обороны. Съ 1861 года все это измѣнилось; единственное слово, какое мы слышимъ теперь—оборона. Въ такомъ смыслѣ написана и статья «Развитіе желѣзныхъ дорогъ». Можно замѣтить при этомъ одинъ странный фактъ. Исключительная система обороны, въ сущности не выгодная и почти невозможная для большого государства, предполагаетъ полнѣйшее отрѣшеніе отъ иностранныхъ дѣлъ и углубленіе въ себя для устройства внутреннихъ, для экономіи, при чемъ военный бюджетъ понижается вездѣ на треть и больше. У насъ же, съ тѣхъ поръ, какъ мы стали думать исключительно объ оборонѣ, онъ возросъ на половину.

Предъидущее замѣчаніе относится, конечно, не къ севастопольской дорогѣ, по которой некуда наступать, но къ разбору другихъ линій, помѣщенному въ «Инвалидѣ». Умалчивая объ нихъ докуда, я считалъ не лишнимъ указать на общій тонъ статьи.

Возвратимся къ крымской дорогѣ.

Какъ сказано, изъ словъ «Инвалида» видно, что авторъ обороняетъ Крымъ противъ союзной арміи 1855 года; всѣ заключенія его истекають изъ событій восточной войны. Я не хотѣлъ бы размножать отступленій, но нельзя не сказать слѣдующаго.

Не знаю почему, но у насъ, и только у насъ однихъ въ свѣтѣ, всякое крупное военное событіе, и свое и чужое, не только принимается къ свѣдѣнію, какъ вездѣ, но становится руководящимъ началомъ къ которому все пригоняется въ текущій затѣмъ періодъ времени; такъ идетъ до новаго подобнаго же событія, становящагося, въ свою очередь, новымъ образцомъ. Къ руководству принимаются не только дѣйствительно важныя и всеобщія стороны дѣла, освѣщенныя событіями, но самыя случайныя черты, вовсе не подходящія ни къ народному складу, ни къ вѣролнному будущему. Такъ было послѣ восточной войны, такъ стало и послѣ австро-прусской. Но какъ кениггрецкій походъ не пролилъ новаго свѣта на событія, могущія произойти въ черноморскомъ бассейнѣ, то въ этомъ послѣднемъ отношеніи держатся еще заключеній, выводимыхъ изъ войны 1853—56 годовъ, хотя этотъ исключительный примѣръ вовсе не приложимъ къ обыденному положенію вещей. Однако же онъ глубоко заронилъ сѣмя въ нѣкоторыхъ умахъ. Вслѣдствіе его именно, какъ кажется, оборонительная война возведена въ принципъ, хотя оборонительная война 1854—55 гг. была единственнымъ исключеніемъ въ нашей исторіи со временъ Петра Великаго; хотя оборонительная война можетъ выпасть намъ на долю только вслѣдствіе непростительныхъ политическихъ ошибокъ и ничего другаго, даже не случая. Но тѣмъ не менѣе, такъ какъ взглядъ на оборону Крыма и другихъ южныхъ предѣловъ Россіи основываютъ теперь преимущественно на примѣрѣ восточной

войны, то мнѣ приходится по неволѣ представить сжатый очеркъ этой войны, разложить ее, какъ говорятъ, на составные элементы.

Когда идетъ рѣчь объ оборонѣ, то прежде всего возникаетъ вопросъ—противъ кого? Будущее неизвѣстно, но только далѣе нѣкоторыхъ предѣловъ. Каждое государство знаетъ приблизительно, съ кѣмъ и по какимъ поводамъ оно можетъ воевать. При такомъ соображеніи нельзя никакъ руководствоваться послѣднимъ событіемъ,—надобно взвѣсить прежде, что это было за событіе. Напримѣръ: послѣднимъ нашествіемъ на западные предѣлы Россіи было вторженіе Наполеона, влечившаго за собою покоренную имъ Европу. Но если на вопросъ: «противъ какихъ силъ, приблизительно, надобно рассчитывать оборону западной границы?» отвѣчать: «противъ Наполеона и двенадцать языкъ», то это былъ бы нѣсколько странный отвѣтъ. Но еще страннѣе основывать мѣры къ оборонѣ черноморскаго побережья, на расчетѣ силъ коалиціи 1855 года. Повтореніе такого событія еще менѣе вѣроятно, чѣмъ новое вторженіе Наполеона, и даже просто невозможно.

Какимъ образомъ дошло до войны въ Крыму, ставшемъ вдругъ изъ глухаго угла, какимъ онъ былъ и всегда будетъ, театромъ всесвѣтной борьбы? Не смотря на кажущуюся путаницу событій того времени, подкладка этого дѣла такъ проста, что ее можно очертить нѣсколькими словами. Война вспыхнула неожиданно, потому что начиналась изъ-за незначительныхъ требованій, которыя не возбудили бы никакого шума нѣсколькими годами ранѣе, когда во Франціи царствовалъ миролюбивый Луи Филиппъ. Австрія, считаемая нашимъ другомъ, ловко воспользовалась этимъ страннымъ заблужденіемъ и новымъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, чтобъ жарить каштаны не обжигая лапъ.

Все это извѣстно, но дѣло въ томъ, что не помышляя о войнѣ, не вѣря ей, мы впутались въ борьбу совершенно неожиданно, не готовясь, не соразмѣривъ средствъ съ цѣлю и потому не могли дать военнымъ дѣйствіямъ направленія, которое дали бы имъ еслибѣ задумали это дѣло сознательно. Франція же и Австрія знали чего хотять и готовились весьма сознательно. Вышло, что мы отставали отъ союзниковъ въ средствахъ къ веденію войны по крайней мѣрѣ годомъ, такъ что наше военное развитіе въ 1854 году соотвѣтствовало только потребностямъ 1853, а въ 1855 потребностямъ 1854 года. Не рѣшившись на десантъ въ Константинополь и на сосредоточеніе силъ противъ Австріи пока было можно, потому пмѣнно, что мы вовсе не имѣли въ виду такихъ серьезныхъ цѣлей, мы были вынуждены соразмѣрить *начало* своихъ вооруженій съ *готовыми* уже вооруженіями союзниковъ и, вслѣдствіе того, должны были рабски ступать по ихъ слѣдамъ, довольствоваться пассивною обороною. Французы пошли въ Турцію не для удовольствія внести войну въ Черное море—театръ неудобный, дорогой и немогшій привести ни къ какимъ рѣшительнымъ послѣдствіямъ; а потому лишь, что они хотѣли войны во что бы то ни стало, съ цѣлю разорвать священный союзъ. Австрія же довольствовалась вооруженнымъ нейтралитетомъ и не пускала ихъ къ себѣ; имъ не было другаго выбора. Заявъ княжества въ видѣ демонстраціи, южную армію продержали 9 мѣсяцевъ въ бездѣйствіи на Дунаѣ для того, чтобы избѣжать серьезной войны, а потомъ двинули ее за Дунай по одной лишь причинѣ—по невозможности податься политически, безъ ущерба, въ какую бы то ни было сторону. Это была опять не война, а новая демонстрація: нельзя же было серьезно думать объ Адрианополѣ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Извѣстно, что эта демонстрація обратилась

намъ въ ловушку. Стоя за Дунаемъ и не имѣя готовой наступательной арміи на Вислѣ, мы не могли отказать Австріи ни въ чемъ. Она заставила насъ безотговорочно воротиться въ свои предѣлы, и стала стѣною между нами и союзниками, собранными въ Турціи, такъ что съ этой стороны столкновение вышло невозможнымъ. Союзныя войска приобрѣли полную свободу дѣйствій. Надо думать, что съ тѣхъ поръ какъ начались войны на свѣтѣ, подобное явленіе произошло въ первый разъ: сильное войско, собранное противъ врага еще сильнѣйшаго, и вдругъ безъ мира избавленное отъ всякой заботы о непріятельской арміи, свободное направить ударъ куда ему вздумается. Тутъ оказывалось не положеніе обыкновеннаго десанта, вольнаго гулять по морю—союзники не бросили бы Турцію, еслибъ намъ былъ открытъ туда доступъ,—но исключительная постановка вещей, происшедшая изъ ряда политическихъ промаховъ. Въ то время Севастополь съ черноморскимъ флотомъ стоялъ ежечасною опасностію для Турціи, — союзники естественно направили первый ударъ на Севастополь. Они разбили слабое войско, имъ противоставшее, промахнулись, не взявши съ перваго шага неукрѣпленный городъ; но сами имѣли время укрѣпиться на удобной береговой позиціи, пока противъ нихъ стягивались достаточныя силы. Силы эти собирались очень медленно, вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ, на которыя стоитъ указать: 1) Въ Крымъ могли придти подкрѣпленія, способныя къ полевой войнѣ, только изъ дунайской арміи, стоявшей въ Бессарабіи. Если бы въ то время существовала даже желѣзная дорога изнутри Россіи въ Крымъ, то она все таки не могла бы доставить туда боевыхъ войскъ, какъ не доставила бы ихъ и теперь, потому что въ разгарѣ войны боевыхъ войскъ нѣтъ внутри государства, есть только резервы, годные для гарнизоновъ. А между Дунаемъ и